

23 ИЮЛ 1976

НОВЫЕ ИМЕНА —

Калью КОМИССАРОВ,

главный режиссер
Эстонского тюза

— Мне иногда кажется, что я действительно одержим навязчивой идеей — непременно отыскать в произведении зерно публицистики и любой ценой вырастить из него призыв к общественной активности!

Это признание сразу определяет не только главный творческий импульс, но и сущность характера молодого эстонского режиссера Калью Комиссарова. Для него искусство — прямое и естественное продолжение большой общественной работы, а общественная деятельность — органичное проявление активной, вечно ищущей, творческой личности.

«Любой ценой» добиться публицистических обобщений! «Любой»... Это, думаю, относится лишь к первым кинематографическим работам Комиссарова. В его лентах, созданных на киностудии «Галлифильм», страстное желание сиюминутно, в каждом кадре, говорить о судьбах всего мира, общества в целом порой оборачивалось неоправданными обобщениями частных случаев и явлений. И все-таки его картины «Заблудшие» и «Необычный случай» привлекали внимание. Стало ясно, что в эстонский кинематограф пришел новый, своеобразный и дерзкий режиссер, чьи истинные победы, однако, еще впереди. И они пришли — на театральной сцене, где, кстати, он когда-то начинал свой творческий путь актером, лишь мечтая о режиссуре.

В 1974 году Калью Комиссаров стал главным режиссером Эстонского тюза. И сразу, после первой же премьеры, почувствовалось, что для театра самое важное быть истинным спутником, советчиком и другом юного зрителя, говоря с ним чрезвычайно действенным языком.

Долго и трудно работал Калью Комиссаров над «Процессом» (инсценировка была написана им самим на основе киносценария Эбби Манна «Суд над судьями», по которому, как известно, был в свое время поставлен фильм Стэнли Крамера «Нюрнбергский процесс»). Долго и трудно, ибо режиссеру пришлось изучать коллектив, «приручать» его к себе. Но вот премьера состоялась.

— Мы выходим на сцену не для того, чтобы объективистски отразить кусок жизни. Мы не скрываем своих пристрастий. Каждый из нас — яростный пропагандист и боец. Мы сражаемся против тьмы, лжи, невежества, отстаиваем светлое будущее. У каждого из нас своя индивидуальность. Чем ярче она, тем лучше. Но в главном мы едины. Это главное и есть тот цемент, который соединит в одно целое

нас самих и наши спектакли, — именно так, мне кажется, можно сформулировать творческое кредо Комиссарова.

«Процесс». Само название говорит о том, что конкретность места действия — Нюрнберг — для театра не существенна. Сняты и временные ограничения ленты Крамера.

На сцене — за железной решеткой — застенки, руины, лагерные трубы. (Художник Тыну Вирве). В центре свисает зловещая петля. Действие ведут Певец и Комментатор, обращаясь к зрителю на языке его собственных, современных ритмов, современных стихов и песен, смело и гордо пересекая мрачное пространство на сценической площадке.

На сцене процесс, в котором судьи и подсудимые, защита и обвинение безымянны. Но не безымянны актеры. Это они, наши современники, ведут суд над фашизмом германским и над фашизмом вообще, над каждым его ростком, когда-либо и где-либо пробивающимся на земле, над обывательщиной, равнодушием и безразличием к судьбам мира. Театр обращается к зрителю: задумайтесь о будущем! Вы в ответе за него! Каким он станет в ваших руках?

«Процесс» был дебютом Комиссарова в «своем» театре. И, естественно, режиссеру хотелось воплотить в нем замыслы, чувства, стремления, накопившиеся в его душе. Наверное, отсюда некоторая чрезмерность выразительных средств, перенасыщенность эмоциональными эффектами. Что ж, «чересчур» — свойство молодости... Может быть, на первый раз это оправдывается стремлением сразу же заразить коллектив своими идеями и заявить зрителю: «Да, мы такой театр!»

Во второй работе Комиссаров пошел по пути более сдержанного, более строгого отбора выразительных средств.

«Гуд бай, Бэби!» — спектакль, состоящий из тринадцати коротких пьес писателя Матти Унта. На первый взгляд, они ничем не связаны между собой. Они различны по жанрам и по манере исполнения.

Здесь есть и ярмарочная шутка, и документ истории, и интермедия, и драма, и страстный поэтический монолог. Пьесы разыгрываются перед широкой — огромной фотографией, на которой Калью Комиссаров, Матти Унт и шесть актеров, исполнителей ролей (художник Тыну Вирве).

Спектакль не похож на первый, но вновь главное в нем — призыв к социальной активности. И если «Процесс» был произведением откровенно публицистическим, то «Гуд бай, Бэби!» я бы назвала публицистикой, облеченной в поэтическую форму. Актеры разговаривают со зрителем, как поэты, читающие стихи. Заставляют мыслить поэтическими образами.

...Сатирический облик учителя — школьного педанта, трагедия одинокой женщины, и — как бы поднимаясь от быта к бытию — письма Че Гевары, прославляющие жизнь во имя народа, рассказ о президенте Альянде, утверждающий героизм, как знамя всех честных людей земли...

Какие разные объекты в одном спектакле, в одном магнитном поле! Разные, но все это и есть современность. Они объединены волей режиссера, чей голос словно бы слышится в таких несхожих и в то же время таких слитных голосах артистов, спрашивающих зрителя: ты, лично ты чем оправдал свою жизнь в этом мире? Чем был ему полезен? Чего не допустил в нем? Чего добился?..

Возможно, не все равноценно в этом спектакле. Но ясно — это «комиссаровский» спектакль, где мысль определена, а накал эмоций высок.

Таков он в театре, таков и в жизни, молодой коммунист, член ЦК комсомола Эстонии Калью Комиссаров. Новый его спектакль — народная драма, инсценировка романа Х. Вяли «Кровь на земле» — о первых шагах колхозного движения в Эстонии. И в этом публицистическом спектакле открываются новые грани дарования молодого режиссера.

Елена СКУЛЬСКАЯ.
ТАЛЛИН.

Фото Ф. Ключака.